

Ци Яо — единственная надежда

В отличие от их первой встречи, когда Чун Сюй, хоть и с долей иронии, всё же сохранял видимость уважения, теперь его отношение к Ци Яо было откровенно пренебрежительным.

Хотя в нём не было того явного презрения, которое поначалу демонстрировал Ши Чжисинь, в каждом его жесте сквозило высокомерие — то самое врождённое чувство превосходства аномального ремесленника над обычным человеком.

Когда Юй Цюлян атаковал, Чун Сюй отчётливо видел: реакция Ци Яо была именно такой, какой и должна быть у простого смертного. Он не скрывал свою силу, не притворялся дурачком — он был обычным человеком, впервые столкнувшимся со сверхъестественными способностями.

Следовательно, Ци Яо действительно был обычным человеком.

Юй Цюлян, очевидно, тоже это понял и насмешливо бросил:

— Бывает, и ты ошибаешься.

— Это всё из-за этих романов про недооценённых гениев, — вздохнул Чун Сюй и слегка поправил воротник. Хотя выражение его лица оставалось мягким, прежняя жалкая угодливость исчезла без следа, а в глазах зажёгся острый ум.

Даже лучшие мастера сычуаньской оперы, меняющие маски, не смогли бы сравниться с его искусством перевоплощения.

Ци Яо с изумлением наблюдал за этой сценой, но тут же получил шлепок по спине от Чжань Цзинлиня.

— Не отвлекайся, быстро говори, где учительское общежитие.

Чжань Цзинлинь был поражён. Характер у Ци Яо был просто невероятный. В одну секунду он был на грани нервного срыва из-за того, что его мир рухнул, а в следующую уже отвлекался на что-то другое.

То, что Ци Яо до сих пор был жив в этом подземелье, было настоящим чудом. Чжань Цзинлинь почти видел, как предки семьи Ци в загробном мире используют все свои связи, чтобы вымолить ему жизнь.

Но он быстро взял себя в руки и нахмурился.

По словам Ци Яо, чтобы добраться до учительского общежития, им нужно было обойти всё здание студенческого общежития.

— Это же невозможно! — Чжань Цзинлинь посмотрел в окно, понимая, что это абсолютно невыполнимая задача.

Не говоря уже о том, смогут ли они обойти студенческое общежитие, сейчас им, скорее всего, даже из учительской столовой не выйти — их тут же разорвут на куски поджидающие снаружи аномалии.

Чун Сюй тоже подошёл к стеклянной двери и внимательно осмотрел обстановку снаружи.

Юй Цюлян тем временем быстро обошёл всю учительскую столовую.

— Чёрного хода нет. Окна, выходящие наружу, тоже окружены студентами-аномалиями. Если прорываться с боем... — Юй Цюлян покачал головой. Он не договорил, но все и так поняли, что он имел в виду.

Время неумолимо приближалось к восьми часам, как было сказано в объявлении.

Студенты-аномалии снаружи столовой организованно отступали. Но они не спешили возвращаться в свои комнаты, а молча выстроились на проходе между учительской и студенческой зонами, словно расставив ловушку и ожидая, когда в неё попадётся добыча.

А внутри, в учительской столовой, Тётушка из столовой продолжала плести свою паутину. На тонких нитях, словно серебряные бусины, висели капли, без сомнения, смертельного яда.

Огромная сеть нависла над головами четверых, подобно грозovým тучам, затянувшим всё небо над образовательным учреждением.

А Ци Яо и его спутники были лишь пищей в этой смертельной ловушке.

***

Гибельный переулок. У входа.

Родители Чжань Цзинлиня уже прибыли. Из-за недавней вспышки активности Гибельный переулок был полностью изолирован. Стоя здесь, те, чей уровень был ниже В, даже не могли видеть его точное местоположение.

— Связались с теми, кто внутри? Что они говорят? — мать Чжань Цзинлиня, измученная дорогой, с красными от усталости глазами и до хрипоты севшим голосом, едва могла говорить.

— С нашими связаться пока не удалось, но от семьи Сюй пришло сообщение. Говорят, с аномальными ремесленниками снаружи подземелья что-то случилось, но все восемь человек, что внутри, пока живы.

— С Цзинлинем всё в порядке?

— Пока да, — обняв жену, отец Чжань Цзинлиня старался казаться спокойным, но в душе его бушевала тревога. По дороге сюда он тайно связался с Ли Муму, учителем Ци Яо и Чжань Цзинлиня.

«Я понимаю, что с точки зрения ваших принципов, не должен вас затруднять, но Цзинлинь — не только наследник следующего поколения семьи Чжань, но и мой единственный сын. Я отправил его в вашу лабораторию в надежде, что он не будет, как наше поколение, изнурять себя борьбой за власть и выгоду. И хотя семья Чжань — аристократическая, мы всегда были на стороне Китайского приюта для содержания аномалий».

«Я лишь прошу вас об одной маленькой услуге. Кто угодно из Приюта, кто может дать ответ... я просто хочу знать, есть ли у Цзинлиня шанс выжить после этой мутации подземелья?»

Будучи главой семьи Чжань, властителем столетнего аристократического рода, отец Чжань Цзинлиня не должен был так унижаться. После Великих бедствий и восстановления мирового порядка Китайский приют долгие годы был незримым стражем страны. Но в последние десятилетия и в аристократических семьях стали появляться выдающиеся таланты.

К тому же, всё больше отпрысков знатных родов занимали ключевые посты в политике, и у них уже зрели планы потеснить Приют с его пьедестала.

Пока что все трения происходили под ковром, и никто не решался открыто разорвать отношения.

Но сейчас любой, у кого было хоть малейшее политическое чутьё, понимал: аномалии пробуждаются всё чаще. И вероятность того, что обычные люди пробудят в себе способности, тоже растёт. Рано или поздно об этом узнают все.

И тогда законы и порядок неизбежно изменятся. И тот, у кого будет больше сильных аномальных ремесленников, у кого будет больше военной мощи, тот и получит право голоса.

Это была неугасимая амбиция аристократии и непростительное оскорбление для Приюта.

Но всё это не имело значения для отца Чжань Цзинлиня. Он нёс на своих плечах бремя

огромной семьи и отправил сына в лабораторию Ли Муму в надежде, что однажды, когда мир перевернётся, его ребёнок будет в безопасности, и род Чжань не прервётся.

Однако Ли Муму, выслушав его опасения, долго молчал, а через несколько минут просто повесил трубку.

Но вскоре старший ученик Ли Муму прислал отцу Чжань Цзинлиня сообщение: «Учитель, повесив трубку, был в хорошем настроении и даже заказал себе молочный чай».

На первый взгляд, бессвязная фраза, но она намекала на одно: Ли Муму не беспокоился, он даже не придал этому значения.

Отец Чжань Цзинлиня, держа в руках телефон, дважды перечитал сообщение, а затем с облегчением откинулся на сиденье машины, крепче обняв жену.

— Всё будет хорошо, — сказал он, утешая и жену, и себя.

Он, как отец, хорошо знал уровень своего сына. Среди молодых ремесленников он, конечно, был силён, но не входил в число лучших.

Но если Ли Муму не беспокоился, то дело было не в силе Чжань Цзинлиня. Значит, в подземелье был кто-то другой, кто вселял в него уверенность.

Вскоре другое сообщение подтвердило догадку отца Чжань Цзинлиня.

Это было сообщение от телохранителя Б.

Длинное и подробное, оно описывало всё, что с ними произошло с момента входа в подземелье.

Особое внимание телохранитель Б уделил одному человеку — Ци Яо.

— Ци Яо? Разве он не обычный человек? — мать Чжань Цзинлиня, прочитав сообщение, тоже была удивлена и даже озадачена.

Отец Чжань Цзинлиня молчал, погружившись в раздумья.

То, что телохранитель Б упомянул Ци Яо, его не удивило. Хотя Ци Яо и утверждал, что он обычный человек, ребёнок, которого Ли Муму четыре года держал при себе и лично обучал, не мог быть посредственностью.

Так что, похоже, Ли Муму не беспокоился именно потому, что в подземелье был Ци Яо.

Чем больше он думал, тем больше убеждался в своей правоте.

Ведь Чжань Цзинлинь и Ци Яо были учениками одного мастера.

Хотя Чжань Цзинлинь и делал вид, что недолюбливает Ци Яо, но отец знал своего сына. Ему нравился этот младший брат-ученик. Услышав, что Ци Яо — сирота и живёт на стипендию, Чжань Цзинлинь все четыре года в лаборатории тайно и явно помогал ему.

Даже недавно, узнав, что Ци Яо уезжает, он приготовил для него десять миллионов.

Оставалось лишь надеяться, что Ци Яо, помня об их товариществе, позаботится о Чжань Цзинлине.

Крепче обняв жену, отец Чжань Цзинлиня смотрел на далёкий старый жилой дом, и в его сердце боролись тревога и беспокойство.

***

Подземелье. Столовая «Образовательного учреждения „Всё для детей“».

На квадратном столе в столовой Чун Сюй, обмакнув палец в воду, нарисовал примерную карту образовательного учреждения и отметил местоположение учительского общежития.

— Это маловероятно. С какой бы стороны мы ни пошли, нас неизбежно окружают студенты-аномалии. Вопрос лишь в их количестве.

— И есть ещё одна большая проблема: эти студенты-аномалии постоянно перемещаются. Никогда не знаешь, на кого наткнёшься и сколько запретных точек придётся обойти.

— А некоторые запретные точки обойти невозможно, — Чун Сюй ткнул пальцем в значок студенческого общежития. — Я назову только две. Первая — в 17-м классе нельзя входить с левой ноги. Если ты учитель в 17-м классе, то всё просто — не заходи с левой ноги. Но сейчас дверей нет. Где граница этой запретной точки? С какого места нельзя начинать движение с левой ноги?

— Точно, и на одной ноге прыгать тоже нельзя, — вспомнил Чжань Цзинлинь другую странную запретную точку. — В 12-м классе есть аномалия — если оторвать обе ноги от земли, умрёшь.

— Если эти двое окажутся вместе, нам конец.

— А есть ещё и с размытыми запретными точками?

— 19-й класс! Запретная точка — «умрёшь, если не соответствуешь его прижизненным стандартам красоты!» — внезапно вспомнил Чжань Цзинлинь. В первый день Пань Чи погиб именно из-за неё.

По правде говоря, Чжань Цзинлиню и Ци Яо это не грозило. Молодой господин Чжань был красив, в студенческие годы в белой футболке и джинсах он был настоящей первой любовью кампуса. А про Ци Яо и говорить нечего — Маленький король Бигль, пока не начинал лаять, был самым милым и очаровательным созданием.

Что до Чун Сюя и Юй Цюяна... они тоже были довольно симпатичными, но их аура была просто невыносимой.

Поэтому их осторожность была вполне понятна.

<http://bllate.org/book/16976/1585511>